

УДК 343.979

DOI [10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).431-437](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).431-437)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ ПЕРИОДА СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ

Д.А. Пашенцев

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 ноября 2015 г.

Дата принятия в печать

22 июня 2016 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2016 г.

Ключевые слова

Преступность; конструирование; конструктивизм; сословно-представительная монархия; государство; законодательство; преступление

Аннотация. В современных условиях осуществляется переход юридической науки от классической к постклассической парадигме. Постклассическая наука предлагает юриспруденции целый ряд методов, одним из которых выступает конструктивизм. Применение конструктивизма представляется перспективным при проведении исследования преступности в ретроспективе. Четких изначальных критериев преступности нет; преступность можно рассматривать как определенный конструкт, создаваемый государственной властью. Закрепляя в уголовном праве новые составы преступлений, государство создает и новые формы преступности, влияет на ее динамику. Особенности конструирования преступности определяются спецификой развития государства и права на конкретном этапе. Сословно-представительная монархия представляет собой важный этап в формировании единого централизованного государства, когда главный вектор деятельности государства состоит в стремлении к централизации. Конструирование преступности в этот период осуществляется не в интересах общественного развития, а в интересах упрочения государственной власти, поддержания и развития избранной модели властных отношений. В то же время укрепление власти на данном этапе соответствует интересам общества. Преступность используется государством для мобилизации властного аппарата, придания ему новых структур и постановки перед ним новых задач. Тягчайшим преступлением становится протест в любой форме против власти царя. На процесс конструирования преступности оказывают влияние и иррациональные, и религиозные факторы, а также особенности личности правителя. Конструирование преступности, выгодное для государственной власти, влечет за собой неблагоприятные последствия для населения: рост бедности, усиление социального неравенства, дестабилизация экономической жизни, падение нравственности. При анализе причин преступности необходимо учитывать аспект конструирования ее государственной властью, не только исследовать влияющие на динамику преступности социальные факторы, но и обращать внимание на криминологическую политику государства.

THE CONSTRUCTION OF CRIME IN RUSSIAN LAW OF THE LIMITED MONARCHY PERIOD

Dmitry A. Pashentsev

Moscow City Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2015 November 18

Accepted

2016 June 22

Available online

2016 September 30

Keywords

Crime; construction; constructivism; limited monarchy; state; legislation; crime

Abstract. The science of law is now in the process of switching paradigms and moving from the classical to the post-classical one. Post-classical science offers jurisprudence a number of methods, one of which is constructivism. Constructivism is a promising method for retrospective crime research. There are no clearly defined criteria of crime, crime is a kind of construct created by state authorities. By including new corpus delicti in criminal law, the state creates new forms of crime and influences its dynamics. Special features of crime construction are determined by the specifics of the development of the state and law of the time. Limited monarchy is an important stage in the formation of a unified centralized state when the main vector of state activities is a tendency for centralization. Crime construction of that period is aimed not at benefitting the social development, but at strengthening state power, supporting and developing the chosen model of power relations. At the same time, the consolidation of power at this stage fits the interests of society. Criminality is used by the state to mobilize the power apparatus, to give it new structures and to set it new tasks. The gravest of crimes is any form of protest against the power of the tsar. The crime construction process is also influenced by irrational and religious factors as well as by the personality of the monarch. Crime construction that benefits the state power is unfavorable for the population: it results in the increase of poverty, growing social inequality, destabilization of economic life, and decline in morals. When analyzing the causes of crime it is necessary to take into account the aspect of crime construction done by the state power and to examine not only the social factors, but also the criminological policy of the state.

Сегодня исследователь имеет благоприятную возможность осуществлять научный поиск в условиях методологического плюрализма, что позволяет поднимать и рассматривать новые научные проблемы. Постклассическая наука показывает правовую реальность в новом, непривычном ракурсе: на смену детерминизму приходит понимание роли случайности, стохастичности, многовариантности развития; на первое место выходит субъект права как центр правовой системы. Постклассическая научная методология постулирует зависимость восприятия социальной реальности от позиции наблюдателя, вводит в исследования элемент контекстуальности [1, с. 123].

Постклассическая наука предлагает юриспруденции целый ряд перспективных методов, одним из которых является конструктивизм. Как отмечает И.Л. Честнов, конструктивизм «выступает как эпистемологической парадигмой, общеметодологическим ориентиром, так и конкретной научно-исследовательской программой, «работающей» на уровне конкретного исследования» [2, с. 209]. При этом конструктивистская эпистемология утверждает, что наука не открывает явления, существовавшие до акта их описания и измерения, а конструирует их описанием и измерением. Применение данного подхода представляется перспективным при проведении историко-правовых исследований, в том числе исследования преступности в ретроспективе. Очевидно, что полученные выводы о процессах конструирования преступности в прошлом могут быть применены и на современном этапе развития криминологической теории и практики.

Анализируя особенности динамики преступности в период сословно-представительной монархии, мы будем исходить из предпосылки, что четких изначальных критериев преступности нет. Д. Блэк полагает, что поведение, рассматриваемое как преступное, зачастую имеет совершенно противоположный смысл [3, р. 34]. Преступность представляет собой определенный конструкт, создаваемый государственной властью. Как отмечает Л. Халсман, криминализация выступает одним из многих способов конструирования социальной реальности [4, р. 80]. То или иное поведение приобретает значение и характер преступного деяния в процессе социального конструирования. Одно и то же поведение может быть признано общественно опасным в одном обществе и поощряемым в другом [5]. При этом государственная власть

конструирует преступность не произвольно, она испытывает влияние целого ряда факторов и вынуждена действовать, частично ориентируясь на реальную общественную опасность тех или иных деяний, а частично исходя из предпочтений самих властных структур, из взглядов и интересов самих субъектов — носителей власти. В целом особенности конструирования преступности определяются спецификой развития государства и права на конкретном этапе.

Рассматривая специфику конструирования преступности в период сословно-представительной монархии, отметим, что эта историческая форма российской государственности имеет следующие особенности:

1. Сословно-представительная монархия представляет собой важный этап в формировании единого централизованного государства. Лейтмотив действия государства состоит в стремлении всеми доступными методами усилить власть правителя, облечь ее в новые формы, сформировать новую, более жесткую модель взаимоотношений с обществом.

2. На данном этапе государственная власть еще вынуждена опираться на поддержку ведущих сословий общества, прислушиваться к их мнению, созывать органы сословного представительства.

3. Развитие правовой системы в период сословно-представительной монархии характеризуется следующими чертами: наличие единого кодифицированного источника права; попытки создания местного законодательства, отражавшего специфику развития региона; попытка отказать от византийского права как составной части системы права; преобладание норм процессуального права над нормами материального права [6, с. 51].

Хронологически период сословно-представительной монархии обычно определяют по времени существования земских соборов как выборных органов, представлявших интересы ведущих сословий, — с 1549 по 1684 г. По нашему мнению, с середины XVII в. Россия вступает в период постепенного оформления абсолютной монархии, утрачивая черты сословно-представительной формы правления, несмотря на изредка собиравшиеся земские соборы. Об этом говорит и текст Соборного уложения 1649 г., в котором отчетливо прослеживается стремление к абсолютизму.

Российские ученые традиционно отмечают, что постепенное сосредоточение власти в руках

монарха на этапе сословно-представительной монархии влечет за собой ужесточение уголовно-правовой политики, в первую очередь тех мер, которые направлены против государственных преступлений [7, с. 29].

В период сословно-представительной монархии государственная власть получает новые формы; логично предположить, что новые формы должна получить и преступность. Новая организация власти старается выстраивать все общественные отношения в удобном для себя ключе, не так, как было прежде. Это относится и к преступности: мы можем наблюдать процессы криминализации, которые формируют новые, ранее неизвестные законодателю виды преступлений, и одновременно с помощью пенализации создаются способы борьбы с ними.

Конструирование преступности можно рассматривать как часть более широкого процесса — контроля преступности. По мнению Я.И. Гилянского, контроль над преступностью включает: установление деяний, которые считаются преступными (криминализация); определение наказаний за преступления; создание институтов формального контроля за преступностью, таких как сыскные и следственные органы, а также суд; формирование системы исполнения наказаний; деятельность всех перечисленных систем и составляющих их субъектов, включая и деятельность неформальных структур, а также профилактику [8, с. 29].

Преступность создается в процессе реагирования государства на нежелательные для него модели поведения.

Практически вся деятельность власти подчинена поиску для себя новых форм, и в итоге власть действует не в интересах общества, а прежде всего в интересах себя самой. Поэтому конструирование преступности также может происходить не в интересах общественного развития, а в интересах упрочения государственной власти, поддержания и развития избранной модели властных отношений. При этом особенность рассматриваемого периода состоит в том, что стремление властных элит к централизации объективно соответствовало интересам общественного развития.

Преступность используется государством для мобилизации властного аппарата, придания ему новых структур и постановки перед ним новых задач. Характерным примером служит опричнина, призванная «грызть» и «выметать» крамолу.

Тягчайшим преступлением становится протест в любой форме против власти царя, которая стремится придать себе всеобъемлющий характер. Все развитие государства пронизано идеей централизации, и любое выступление против этой идеи объявляется преступным.

Право как любое социальное явление выражается в знаковых формах. Норма права, прежде чем она превращается в массовую практику, тяготеет к тому, чтобы быть записанной и формально зафиксированной. По мере общественного развития количество писаных форм права возрастает, и в период сословно-представительной монархии мы встречаем сразу несколько достаточно обширных источников.

Если рассматривать нормы Судебника 1550 г. как основного источника права периода сословно-представительной монархии, можно выделить некоторые особенности конструирования преступности, отличавшие его от предшествующего законодательства.

Прежде всего, число деяний, подлежащих уголовному наказанию, в Судебнике 1550 г. больше, чем в предшествующих памятниках права. Этот источник называет и разделяет государственные преступления, преступления по службе, преступления против судебной власти. Возникает понятие разбоя, начинают различаться квалифицированные виды кражи. Появляются новые должностные преступления, такие как подделка документов (ст. 59); новые антигосударственные преступления, например сдача города неприятелю (ст. 61).

Происходит изменение и самой терминологии, определявшей преступное деяние. Более древний термин «обида» (частное обвинение) заменяется понятием «лихое дело», т.е. на смену обвинению частному приходит обвинение публичное. В то же время единого термина, обозначающего преступление, еще не существовало. Как отмечал В.А. Рогов, «обозначение преступления терминами «лихое дело» и «воровство» довольно условно, поскольку характеризует не только само преступление, но и степень его тяжести, а также социальное положение преступника, не случайного нарушителя, совершившего неоднократные разбои и убийства» [9, с. 21].

Безусловно, статьи Судебника 1550 г. не отражали всей полноты правовой жизни в рассматриваемый период. Нормы уголовного права постоянно дополнялись, список преступных деяний и наказаний за них расширялся. Это про-

исходило путем принятия Боярской думой указов, о чем свидетельствуют обширные указные книги приказов. В период сословно-представительной монархии продолжалось и издание грамот — уставных и судных, в которых также говорилось о наказании уголовных преступников, в первую очередь разбойников [10, с. 41]. Грамоты можно рассматривать как достаточно гибкую часть механизма конструирования преступности, поскольку их принятие было связано со значительно меньшими формальностями, чем принятие крупных кодифицированных источников права, таких как судебники.

В целом в этот период, по мнению известного дореволюционного историка права М.Ф. Владимирского-Буданова, государство окончательно берет на себя обязанность преследования и оценки преступных деяний, изымая эту функцию у общины [11, с. 336].

По мнению А.М. Дорониной, говоря о развитии уголовного права в данную эпоху, необходимо сказать о влиянии христианской этики и морали на общественное развитие и правовое сознание русского Средневековья. В частности, это отразилось на формировании понятия вины как необходимого элемента субъективной стороны преступления. Законодатель начинает уделять внимание не только физическим действиям преступника как таковым, но и его мыслительным действиям, помыслам, которые побудили его к совершению тех или иных деяний [12]. Как отмечают некоторые современные исследователи, в вопросах назначения наказания законодатель Московского государства руководствовался принципами Священного писания [13, с. 9].

В период правления Ивана Грозного все более утверждается стремление монарха самовластно карать подданных, нередко пренебрегая при этом нормами права. В итоге правоприменительная практика вступает в определенное противоречие с законодательством. Наблюдая, как государство само нарушает установленные им же нормы, народ начинает негативно относиться к праву, понимать его условность. Официально установленные государством правовые нормы приобретают избирательность действия, порождая тем самым негативное к себе отношение, правовой нигилизм.

В изучаемый период получили распространение четыре основных вида наказаний:

- смертная казнь;
- лишение свободы (тюремное заключение или заключение в монастырь);

— телесные и членовредительские наказания;

- денежные взыскания [14, с. 148].

Для самого сурового из них — смертной казни — на практике не установлено пределов. Государство применяет смертную казнь прежде всего за антигосударственные преступления, а последние понимаются достаточно широко в силу фактического отождествления государства и правителя. Выраженное в любой форме несогласие с правителем трактуется в период правления Ивана Грозного как антигосударственное деяние, заслуживающее смертной казни. В итоге конструирование антигосударственных преступлений на практике может происходить ежедневно, создавая и мифологизируя преступность как некоего врага государства. Этим достигается цель оправдать все действия по укреплению государственной власти. Так, объявив преступным все население Новгорода, царь жестоко расправляется с ним и тем самым укрепляет свою власть и расширяет ее территориальные пределы.

Таким образом, анализ динамики законодательства о преступлении и наказании в период сословно-представительной монархии подтверждает позицию Я.И. Гилинского, который рассматривает преступность как «порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть» [15, с. 334].

Государственной власти в анализируемый период преступность нужна, даже необходима. С помощью преступности государство, во-первых, легитимирует существование мощного карательного аппарата, который используется и для подавления народных волнений, несанкционированных общественных протестов; во-вторых, оправдывает свое усиление и процессы централизации; в-третьих, создает условия для беспрепятственной борьбы со своими политическими противниками. Таким образом, конструирование преступности — один из способов сохранения и укрепления властных отношений. Это справедливо и для других исторических периодов, о чем уже писали ученые [15, с. 336].

Можно отметить, что существуют деяния, действительно опасные для общества и его развития, и их криминализация объективно обусловлена. Но в анализируемый период государственная власть предпринимает активную криминализацию других деяний, опасных в первую

очередь для самой власти, для выстраивания новой системы властных отношений.

Нельзя отрицать и роль личностного фактора в процессе конструирования преступности. Сложная и противоречивая фигура Ивана Грозного сильно повлияла на развитие уголовного права, определив его динамику. В основе любой правовой инновации лежит первичный произвол, который затем в результате социальной амнезии принимается за нормальный, традиционный порядок вещей. Целый ряд новелл в сфере уголовных преступлений и наказаний был порожден волей первого русского царя, а в дальнейшем получил свое закрепление и развитие. Как полагают некоторые современные ученые, «основным источником права в конечном итоге являлось волеизъявление царя и его ближайшего окружения» [16, с. 940]. Авторитет монарха послужил основой легитимации сконструированной на этом этапе модели преступности, способствовал превращению первичных правовых инноваций в повседневное массовое поведение. Общественное политическое сознание, по словам Г.В. Мальцева, оправдывало жестокость правителя и мирилось с ней [17, с. 334]. Например, по воле Ивана Грозного без каких-либо законных оснований за отказ принять участие в веселом царском маскараде был казнен князь М.П. Репнин, а в последующие годы без суда и следствия «избивались» и другие неугодные царю бояре [18, с. 63]. В Судебнике 1550 г., принятом при Иване IV, в правовую практику были введены новые, ранее неизвестные виды наказаний, такие как ссылка, тюремное заключение, а также установлены смягчающие и отягчающие обстоятельства [18, с. 83].

В то же время стоит согласиться с позицией И.Л. Честнова, который отмечает, что конструирование социального мира и в рамках этого процесса конструирование преступности не является произвольным актом, обусловленным только личной прихотью. Этот процесс ограничен целым рядом факторов, среди которых и наличие необходимых средств, и простой здравый смысл, и господствующая культура, и сформировавшаяся традиция [19, с. 18]. Возникает своего рода замкнутый круг: социальная ситуация и

правовая традиция детерминируют конструирование преступности, в свою очередь, создаваемый конструкт определяет развитие общества и направление динамики правовой традиции.

Конструирование преступности как осознанный процесс требует существования определенной системы координат, которые как лежат в правовой плоскости, так и выходят за ее рамки, находясь в сферах морали и религии. Но роль в этом процессе субъекта права повышает значимость неосознанных, даже подсознательных и иррациональных моментов, которые находятся в сфере психики, мифологии и т.д. Стоит прислушаться к призыву Г.В. Мальцева и признать, что основные этические явления, включая явления правовые, «многим обязаны сфере бессознательного, сверхсознанию и подсознанию» [20, с. 144]. С позиций современной науки становится очевидно, что «иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, идее права, норме и правоприменении» [21, с. 4]. Более того, как отмечает Н. Луман, иррациональные элементы при определенных условиях могут выполнять рациональные функции [22, с. 14]. В итоге совокупность иррациональных и рациональных факторов обеспечивает возникновение новых социальных институтов, в основе конструирования которых лежит первичный произвол государственной власти [23, с. 160].

Конструирование преступности, выгодное для государственной власти, приводит к неблагоприятным последствиям для населения: росту бедности, усилению социального неравенства, дестабилизации экономической жизни, падению нравственности. Активизация процесса конструирования преступности в период правления Ивана Грозного повлекла за собой так называемое Смутное время, когда государственность в силу целого ряда факторов — экономических, социальных, политических, духовно-нравственных — была разрушена. Можно сказать, что если государство конструирует преступность излишне активно и этот процесс превращается в массовую репрессию против населения, оно может получить адекватный ответ в виде роста количества антигосударственных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Честнов И.Л. Диалогическая методология юридической науки / И.Л. Честнов // Методологические проблемы современной юридической науки / под ред. А.Г. Чернявского, Д.А. Пашенцева. — М. : РусСайнс, 2015. — 304 с.
2. Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в историко-правовой науке / И.Л. Честнов // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. — М. : Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования, 2013. — С. 209–213.

3. Black D. Crime as social control / D. Black // *American Sociological Review*. — 1983. — Vol. 48, № 1. — P. 34–45.
4. Hulsman L. Critical criminology and the concept of crime / L. Hulsman // *Contemporary Crisis*. — 1986. — № 10. — P. 63–80.
5. Rosenfeld R. The Social Construction of Crime [Electronic resource] / R. Rosenfeld. — Mode of access : <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo9780195396607/obo-9780195396607-0050.xml>.
6. Дорская А.А. Развитие системы права России: проблемы периодизации / А.А. Дорская // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. : Юридические науки. — 2011. — № 2. — С. 51–58.
7. Мацанова М.П. Особенности уголовно-правовой политики в период сословно-представительной монархии в России середины XVII века / М.П. Мацанова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. : Юридические науки. — 2013. — № 2 (13). — С. 29–31.
8. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. — 504 с.
9. Рогов В.А. Уголовные наказания и репрессии в России середины XV — середины XVII вв. / В.А. Рогов. — М. : Росвуз-наука, 1992. — 94 с.
10. Стус Н.В. Грамоты как источники уголовно-судебного права Московского государства конца XIV–XVI веков / Н.В. Стус // Российский судья. — 2015. — № 5. — С. 40–43.
11. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д : Феникс, 1995. — 640 с.
12. Доронин А.М. Уголовная политика Российского государства: история и современность / А.М. Доронин // История государства и права. — 2007. — № 16. — С. 18–20.
13. Рожнов А.А. Библийские основы уголовного наказания в праве Московского государства / А.А. Рожнов // История государства и права. — 2013. — № 5. — С. 9–12.
14. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А.И. Александров. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. — 562 с.
15. Гилинский Я.И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы [Электронный ресурс] / Я.И. Гилинский // Петербургская социология сегодня : сб. науч. тр. Социол. ин-та РАН. — СПб. : Нестор-История, 2009. — Режим доступа : <http://www.pitersociology.ru/issue2009>.
16. Савченко Д.А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) / Д.А. Савченко // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 8. — С. 940–946.
17. Мальцев Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 608 с.
18. Дорская А.А. История отечественного государства и права : учеб.-метод. пособие / А.А. Дорская, А.Г. Семашко. — М. : Лика, 2010. — 192 с.
19. Честнов И.Л. Принципы права в постклассическом измерении / И.Л. Честнов // Принципы права : сб. ст. по итогам круглого стола в Моск. ин-те гос. упр. и права / под ред. Д.А. Пашенцева, А.Г. Чернявского. — М. : РусСайнс, 2015. — 180 с.
20. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. — М. : Норма, 2007. — 800 с.
21. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве / И.А. Исаев. — М. : Проспект, 2012. — 368 с.
22. Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalitaet / N. Luhmann. — Frankfurt am Main, 1973. — 390 S.
23. Lacklau E. New Reflections on the Revolution of Our Time / E. Lacklau. — L. ; N.Y. : Verso, 1990. — 265 p.

REFERENCES

1. Chestnov I.L. Dialogic Methodology of Jurisprudence. In Chernyavskii A.G., Pashentsev D.A. (eds). *Metodologicheskie problemy sovremennoi yuridicheskoi nauki* [Methodological Issues of Contemporary Legal Science]. Moscow, RuSains Publ., 2015. 304 p. (In Russian).
2. Chestnov I.L. The constructivism paradigm in the science of history and law. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty i yuridicheskaya praktika. Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii pamyati professora F.M. Rudinskogo* [The Rights and Freedoms of Man and Citizen: theoretical aspects and legal practice. Material of Annual Research Conference in Memory of Professor F.M. Rudinsky]. Moscow, Academy of Professional Development and Retraining of Educators Publ., 2013, pp. 209–213. (In Russian).
3. Black D. Crime as social control. *American Sociological Review*, 1983, vol. 48, no. 1, pp. 34–45.
4. Hulsman L. Critical criminology and the concept of crime. *Contemporary Crisis*, 1986, no. 10, pp. 63–80.
5. Rosenfeld R. *The Social Construction of Crime*. Available at: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo9780195396607/obo-9780195396607-0050.xml>.
6. Dorskaya A.A. Development of legal system in Russia: Problem of periodization. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Yuridicheskie nauki = Vestnik Moscow City Teachers Training University. Series Legal Sciences*, 2011, no. 2, pp. 51–58. (In Russian).
7. Matsanova M.P. Specific features of criminal law policy in the period of limited monarchy in Russia in mid 17th century. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, 2013, no. 2 (13), pp. 29–31. (In Russian).
8. Giliinskii Ya.I. *Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'* [Criminology: Theory, History, Empirical Basis, Social Control]. 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2009. 504 p.
9. Rogov V.A. *Ugolovnye nakazaniya i repressii v Rossii serediny XV — serediny XVII vv.* [Criminal Punishments and Repressions in Russia in mid 15th — mid 17th centuries]. Moscow, Rosvuznauka Publ., 1992. 94 p.
10. Stus N.V. Gramotas as sources of criminal-judicial law of the Moscow State of the end of the XIV–XVI centuries. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2015, no. 5, pp. 40–43. (In Russian).
11. Vladimirovskii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [An Overview of the History of Russian Law]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1995. 640 p.

12. Doronin A.M. The criminal policy of Russian state: history and modern day. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2007, no. 16, pp. 18–20. (In Russian).
13. Rozhnov A.A. The biblical roots of criminal punishments in the law of the Moscow state. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2013, no. 5, pp. 9–12. (In Russian).
14. Aleksandrov A.I. *Ugolovnaya politika i ugolovnyi protsess v rossiiskoi gosudarstvennosti* [Criminal Policy and Criminal Procedure in Russian Statehood]. Saint Petersburg State University Publ., 2003. 562 p.
15. Gilinskii Ya.I. Constructing deviation: the problematization of the problem. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburgian Sociology Today]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009. Available at: <http://www.pitersociology.ru/issue2009>. (In Russian).
16. Savchenko D.A. «We want goodness for the tsar in everything»: an oath of allegiance to the Moscow tsar. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Issues of Russian Law*, 2013, no. 8, pp. 940–946. (In Russian).
17. Mal'tsev G.V. *Kul'turnye traditsii prava* [Cultural Traditions of Law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2013. 608 p.
18. Dorskaya A.A., Semashko A.G. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of Russian State and Law]. Moscow, Lika Publ., 2010. 192 p.
19. Chestnov I.L. Principles of law in the post-classical dimension. In Pashentsev D.A., Chernyavskii A.G. (eds). *Printsipy prava: sbornik statei po itogam kruglogo stola v Moskovskom institute gosudarstvennogo upravleniya i prava* [Principles of law: a collection of papers presented at the round table at Moscow Institute of State Governance and Law]. Moscow, RuSains Publ., 2015. 180 p. (In Russian).
20. Mal'tsev G.V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social Basis of Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p.
21. Isaev I.A. *Tenevaya storona zakona. Irratsional'noe v prave* [The Shadow Side of Law. The Irrational in Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 368 p.
22. Luhmann N. *Zweckbegriff und Systemrationalitaet*. Frankfurt am Main, 1973. 390 S.
23. Lacklau E. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London, New York, Verso, 1990. 265 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: dp-70@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pashentsev, Dmitry A. — Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: dp-70@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пашенцев Д.А. Конструирование преступности в отечественном праве периода сословно-представительной монархии / Д.А. Пашенцев // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 431–437. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(3).431-437.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pashentsev D.A. The construction of crime in Russian law of the limited monarchy period. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 431–437. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).431-437. (In Russian).